НА ПЕРВЫХ СПЕКТАКЛЯХ

Красная газета 31 авг. 1937 г.

В ТЕАТРЕ ОПЕРЫ И БАЛЕТА

Государственный оперный театр вступает в новый сезон с большими и обявляющимися декларациями. Основной акцент он ставит на проблеме создания советской оперы, для реального и полноценного разрешения которой принять наконец активные меры.

Но, кроме планов, есть еще практика. Оперный театр — механизм сложный, многообразный. В оперном театре есть певцы-актеры, есть просто оперные певцы, и наконец, есть певцы, оказывающиеся не в состоянии быть актерами. Есть хоровой (вокальный и в то же время оперный) коллектив, есть огромный, сейчас расширяемый, коллектив оркестра. Все эти сложные, орудоющие каждый своей техникой, профессиональные цеха ежедневно сводятся в одно, работают в постоянном взаимодействии.

На каком материале и как они работают? Здесь, немаловажно, лежит один из самых существенных факторов в вопросе создания советской оперы. Вступающий в сезон с новыми декларациями театр обязан с напряженным вниманием критически и аналитически относиться ко всему доставшемуся ему от прежних сезонов культурному, а иногда и не вполне культурному наследию.

На открытии сезона шел «Ворис Годунов» Мусоргского (пост. С. Э. Рахлова). Эта одна из лучших работ театра, сыгранная бесспорно прогрессивно-революционную роль. Более того — она и по настоящее время (несмотря на трехлетнюю свою давность) продолжает оставаться лучшей работой театра. Это, видимо, чувствуют и сами исполнители — от ведущих до занятых в массовых. Детали спектакля сохраняются бережно — как постановочные, так и музыкальные. Несколько неумеренную звучность (дирижер Дранцшинков) нужно, видимо, отнестись за счет первого припрорвления оркестра к новым масштабам расширенной оркестровой коробки. Значительно (и вокально и актерски) над уровнем спектакля возвышался П. М. Журавленко.

Но, если на премьере царил принудительная, праздничная атмосфера, то уже на третий день «репертуарного календаря» шел вполне «проходной», если не равном ниже проходного, спектакль («Никитина дача»). В спектакле не было главного, что формирует всякое музыкальное исполнение — темпа. Неумеренное движение, отсутствие выразительности, и динамической отдачи в оркестре, составляющем один из самых важных элементов этой партитуры, не могло не повлиять и на исполнение солистов. Сильные

партии были распределены преимущественно среди молодых, новых работников театра (Ильин, Ульянов, Роман, Вербицкий, Лыжин). Но все они имеют тенденцию повторения старой исполнительской традиции. В проведении партий не видно личной инициативы, стремления обновить трактовку, дать ее глазами современного художника. И здесь приходится пожалеть скорейшего осуществления театра-ВУЗа, в условиях которого молодые певцы могли бы (не попадая на большую сцену в парижке Ламельи и случая), работать над созданием своей партии, а не пассивно «академизироваться» на ходу.

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ.